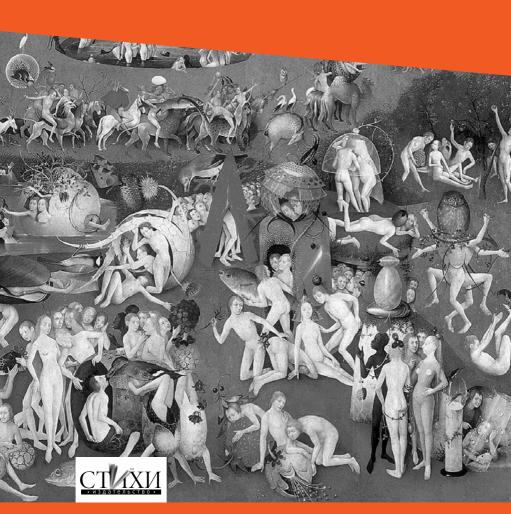
Арсений Ли

Сад земных наслаждений

Стихотворения

Серия «Срез» Книга третья

УДК 821.161.1-1 Ли 84(2Poc=Pyc)6-5

Сад земных наслаждений.

Сборник стихотворений / Арсений Ли. — 90 стр. с илл. — Серия «Срез». Книга третья. Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»

ISBN 978-5-7525-3145-3

Сборник Арсения Ли аккумулирует в себе практически весь корпус стихов, написанных поэтом к настоящему времени. Немногословность, взвешенность, выверенность лирического высказывания — визитная карточка автора.

В оформлении использован фрагменты триптиха И. Босха «Сад земных наслаждений».

- © Арсений Ли, текст, 2016
- © Издательство «СТиХИ», 2016
- © Сергей Ивкин, иллюстрация, 2016
- © Дизайн-бюро «Револьверарт», 2016

Арсений Ли

Сад земных наслаждений

Стихотворения

В.В.Короне — учителю и другу

I Sinistra anta

Сад земных наслаждений

До Ласки дотящи - хоть бы хинд а ведь бывают круге пецвезки как в детстве - в декабре сопрут салазки на гом теперь катенться до весно ...

consourare puzzo, consourare pacemalanse, a mesogy men - beena, beeny beenso ...

The generale cues, a sporre vanaemu ...

CARAZOK *AAKO, Bom mese u zapacme-CARAJO Benery - no ympy ybenu.

Шутка

Невыразимое прекрасное уже стучится у ворот. С утра, ты вспомни, — осень ясная, — сейчас же, — оторопь берёт, — кружит летучий хоровод снежинок, человеков, неба, снег стелится, зима идёт.

Гляди, осенние авто надели зимние манто, и холодок щекочет нёбо. И мы с тобой, и новый год уже стучится у ворот.

Случайное тепло запястье греет и щекотит нутро. Какая робкого бесстыдства галерея глядит в стекло.

Глядит в стекло вагонное, что живо, трамвайное стекло. Нас это гальваническое диво пересекло.

По улицам, печальным до озноба, лети, трамвай, скорей, она, влюбившись навсегда, до гроба, выходит на своей.

К Эвтерпе

«Ни тебя не будет, друг мой, ни меня, — будет только тощая земля, будет только сирая малина...
И метут по небу тополя, и пестра перина»...

Общие мои слова возьми, переделай их на этот случай, но меня, пожалуйста, не мучай немотою, — и её, — ни-ни, — прямотою этих слов не мучай.

K.E.

Конопляный угар девяностых, волоса́, худоба, красота... Все рок-звёзды, мы тоже рок-звёзды, навсегда.

Руки-в-бруки, надменным изломом искалечена детская бровь: «Я с тобою, мой ангел, но где мы и кто мы? Незнакомка-любовь».

Чтоб с надрывом гитарное соло... Чтоб со сцены — дурак-дураком. Сероглазый весёлый подонок пел о том, с чем ещё не знаком...

Если можешь больнее — больнее. Обломай его наверняка, — муза лёгкая, — девочка с бантом на шее, — потому что ещё никого не жалеет, пусть взрослеет пока.

Τερψιχόρα

Черты грубы и неумелы, как будто делал ученик, но тела, ветреного тела неподражаемый язык.

Пляши, безмолвная подруга, не узнаваема никем. Ни имени, ни даже звука. Я нем.

Разлука

— Мы въезжаем в тоннель — близорукий автобусный свет. Машинально — вот деньги, мобильный, перчатки, билет. Сколько ни проверяй, всё равно позабудешь одну. Пусть себе обнимаются, глядя в карманную тьму одиночества близкого. Тот же, кто их невзначай разлучит, наблюдает в окно за мельканием тускло подсвеченных плит.

* * *

Всё случилось внезапно, ля-ля-тополя, тили-тили, цветут на окошке герани — у неё. Из под ног убегает земля — у меня. Я влюблён, окрылён, ненормален...

Верстовые столбы пролетают, смеясь, мимо нас. Мне ещё неизвестна развязка, снег кружится, как прежде, но видимо, связь затянулась, заплюхалась зимняя сказка.

Всё закончилось свадьбой, а как же ещё... Трали-вали, ля-ля, или там, тили-тили... Всё случилось внезапно, в каком-то авто, снег летел и кружил, и колёса катили.

Поэту Егору Белоглазову в день его рождения

Здесь жил поэт, невольник, — да, — но нет, не чести. Мы приходили с водкою к поэту вместе. И по отдельности, бывало, заходили, но вместе — чаще. И коньяка, и пива приносили. Ненастоящий

вонял коньяк, и пахло пиво, и над нами светлело где-то наверху, за облаками.

* * *

Так успевает вволю человек накуролесить за зиму, что страшно вообразить — сейчас растает снег, и вытает — как не смежить здесь век — весна, что труп, нага и безобразна.

* * *

Романтическая бледность тётеньки-земли. Опереточный убийца месяц, не юли, наклонись над нефтебазой, глянься в тусклый камский лёд... Не пугайтесь, тётя, этот ножик не убьёт.

Традиция

Валентину Короне

Мы, неучи, восхищались старой советской профессурой, Которая восхищалась старой советской профессурой, Которая восхищалась старой царской профессурой, По вине которой всё и случилось.

Alma mater

Алле Поспеловой

Действительно странно любить эту сизую мглу, фонари — в грязи по колено, тщедушную реку, — былые останки былого повсюду с собою таскать, и, — о Господи, — снова шептать, — повтори меня здесь, повтори...

здесь в пригороде диком и пустом покой и воля дремлют под кустом не слышно шума и не видно смысла собачья стая сушит языки река лежалая прокисла

приходишь называешь всё кругом крапива соловей в крапиве дом соломой крытый Ева рядом дети мир оживает вверенный тебе но немы как и прежде струи эти

1994

После смерти империи есть всего ничего, — пара, быть может, или чуть более лет, когда можно практически всё, и наоборот, — то, что было возможно раньше, теперь абсолютно — нет.

Можно выпить всю водку; перебраться в Крым; стать героем на ровном месте; продать страну без особых последствий; временно умереть; взаимовыгодно проиграть войну.

Это время, когда не жить — легко, значительно проще, чем жить и не умереть, — и есть свобода, а то, что придёт потом, — придёт потом, и не о чем будет петь.

1998-2001

米米米

B barpey u zonomo... ny rmo mese eusê?!
Karur ewê unên ez napeqau nypno?
Yen ozasoren mu? Karow yénerin
bezgeruneu? Maran yme na cuymety.
He zaempekan ne nnomegu agun,
Gregu cnymynn kneprob, chumkon abno

ток гупеороден здесь — досупий господик, — такое не произаетае, подавно, погра досуг твой конгилеле. Спеши отботть ского повинность трудовую, и волихриуть, где вовее не души — в пространство дальногорко-голубое.

Umos zrece, speque exbozo xérmyo nypry, co been sanaronoemo nonemo-ne ymoruno nposeogum rog, u sygymun nposegém...
U cuosa muno.

II Luxuria

Сад земных наслаждений

Boennan chogka

то успех, ветре по, девогки на углу мелестят, курят перебирал всех.

гикола пудит, дребез темт первоги звомом...

Это успех, вероятно, это успех,

ради коего стоило не возвращаться домой,

ин едиому, всем, заскорузнуть на мерзлам

земле

В странную чень событий, вызванную войной, ради этого стоило затесаться име.

* * *

Дышит новое чувство земли, никогда не дышавшее прежде... Это впору Буколики петь, дождевых червяков разрезая, и Георгики, — славя капусту и репу, и следить, как бегут вдоль межи ребятня и жена молодая.

Муза — девочка-дикарка — не читали ничего... *Светит месяц, светит ярко,* в комнате светло.

Рифма — бедная подруга нищей юность моей — навещала неохотно, не идёт теперь.

Возле школы-института, родины-страны, подожди, — ещё минута, — обращаться в сны.

Буржуазное

Георгию Цеплакову

Не углеруб. Не сталевар, —

никто, —

в тайге не умирал, во льдах не мёрз, — в мышином, мятом, драповом пальто воротит нос

от нас...

Вкруг нас с тобою, сытых, развитых, коньячный завивается дурман, — он — гражданин, а я космополит и сибарит...

и пьян.

* * *

Метафизика, мать её, в этих снегах и собачьих камней простота. Я чертовски замёрз, добираясь сюда... Вспомни, — лето — седая во рву лебеда, помнишь, двор твой смородиной пах.

Мою светлую голову водкой — враньё, это Родина — снегом своим заметелила... ну, отворяй, всё равно, — мы сгорим...

Мы запалимся здесь, в этих тучных снегах среднерусской возвышенности, где ни слова не слышно, ни крика, шагах в десяти.

* * *

В детстве я относился с уважением к крупным деревьям — сосна, берёза... Не любил иву, и всё, что с ней связано, — соловьёв, влажную пойму... Сейчас мне нравятся степи — чтобы совсем никаких условностей...

Так же и с женщинами.

Ноябрь

Вечерний снег. Манекены в витринах ЦУМа топорщат соски сквозь шерсть и бархат... Зябнут. * * *

Не жалобы рифмованные и не *сальное исчадье пубертата* — решил и переехал в тридцать три туда, где в двадцать жить хотел когда-то.

Над Яузой загаженной бродить, плевать с моста в заплёванные воды, внимательно искать и находить повсюду подтверждение свободы выбора и верности его.

Полгода наслаждаться миром этим, по осени опять увидеть дно. Замыслить новый переезд, за этим ещё один, уснуть у фонаря на южной оконечности Европы.

Луна рисует контур корабля.... Завидна эта биография и география, прилив лобзает стопы.

1.

Кто придумал в чернила вливать молоко по ножу? — торопливый восход я на пирсе с тобой подожду, цокнет рында как в вату, туман подымается, лодки бубнят, рыба дремлет в пучине, тяжёлый блестит виноград.

2.

Плачь, Психея, слюнявый девчоночий рот разевай до ушей. Город детских мечтаний и взрослых забот, крепдешиновый ветер, прошей. Сумасшествуй, осенняя музыка, жги неопасный огонь. Упадай, голова воспалённая, на ледяную ладонь. Изнурительна детская-детская глупая связь, лето кончилось. Сказка закончилась.

Оборвалась.

* * *

Алёне Каримовой

Говорили по-татарски на нерусском языке две красивые девчонки в автобусном чулке.

Обступали, обступили, что ни охнуть, ни вздохнуть, я не знаю по-татарски ни полслова, ни чуть-чуть.

Шамаханские невесты на чужбине хороши, где ни слова, ни полслова, ни души.

* * *

A. K.

Мы в коже, как два пидораса, красивых и юных, спроси... Я падаю в чрево такси, тебя центробежная си-... роняет на спину картин-но, но-чь ждёт, от усов до хвоста, черней, чем сама чернота.

* * *

Настрой меня, Господь, на этот звук, — я постараюсь вторить нефальшиво биенью твоего речитатива: — Тук-тук...

Озеро Сор

Андрею Пермякову

Хочется, очень хочется написать стихи про лето, про злую моторку, про добрую щуку. Озеро, лодка и рыба уйдут в камыши, не оставляя ни звука.

Только и будут — серебряный звонкий звон, утром туман над байкальским немым затоном... Лески упругой жизнь разрешится стоном... Неба и неба вокруг голубой окоём.

* * *

Самые прекрасные глаза были у тринадцатилетней проститутки из параллельного класса.

Оливковая смуглость, детская худоба... Но уже не скажешь «бедная девочка», долгий взгляд — беспечность безнадежности...

Теперь я понимаю, за что её покупали.

Предчувствие

Жена останется вдовой, и сиротой — дитя, когда в атаке штыковой, под орудийный гам и вой, под резвое «ура!», ты упадёшь, разинув рот, уже герой... как идиот, буркала закатив...

Пока ещё не грянул бой, среди живых сидишь живой. (В своём кафе, не смел, не сед, и не герой, и не поэт). Жуёшь бисквит, воротишь нос и пьёшь аперитив.

* * *

Владимиру Иванову

Так вечность просидишь за монитором, отпрянешь, выйдешь, — всё уже прошло, — и родины унылое жнивьё, и сигареты «Луч» за рубль сорок...

Оглянешься, — чуть слышно, вдалеке, — Гаврила загибает на рожке.

Сельские этюды

Рафаэлю Мовсесяну

- 1. Нас жалует Господь и милует природа, но осень скорая забыться не даёт, а роза в головах пустого огорода ещё цветёт...
- 2. Дыши, и впитывай, во все глаза гляди: вот облако и дальняя дорога, и кошка притулилась у порога, и снегири.
- 3. Простое крестьянское счастье смотреть на пустой огород в преддверьи большого ненастья без всяких забот.

* * *

Когда при столкновеньи стонут могучие железные детали, и вдоль салона пролетают девчонки, семечки, цветы, я вспоминаю про тебя, про незнакомую, чужую, и кто спасёт тебя такую? — увы, не я.

А ты вполне могла быть здесь, лететь на встречу, вся, как есть...

И вот теперь, покрыв простынкой, тебя к карете медицинской ещё чуть-чуть, и пронесут. да, ты вполне могла быть тут...

И в этом битом хрустале, на золотящейся обочине, рисует ветер озабоченно посланья тайные ко мне.

Алле Поспеловой

Тихо колокол бьёт, тихо плещет ночная вода. Посмотри в черноту отражения старого пирса, — это мелочь блестит или первая всходит звезда? Посиди со мной рядом, пускай ничего не случится. Вообще ничего, только колокол, только вода, очертания, тени, а с чёрного дна, невесома, одинокая всходит, и всходит, и всходит звезда, и шуршит виноград на обширной террасе у дома.

* * *

Лето, ленивое озеро, крепкие икры дня, если ты всё же разлюбишь — не забывай меня.

* * *

Пахнет мочой и мёдом на старом колхозном рынке. Басмачи с бензокосами бреют газоны Стромынки. Вольно мне рифмовать полуботинки-ботинки.

Девушка злая ушла, не сказав ни слова. Я шнурую Кензо, рифма приходит снова. — Счастья тебе, любимая, — на физии полшестого.

Где же наркотики-рокенрол и прочие сласти самогубительства? Боже, какие напасти! Боже, какие мы нежные, но в нашей власти строфу удлинить, слёзки вытереть, и следующей сказать: — Здрасте.

Έρατώ

Чем ты питаешься, муза, каким непотребством и дрянью, стыдно сказать!
Где же твоё щебетание звонкое, свежее, прежнее, где его взять?
С кем ты связалась, наложница, дурочка бедная, кем же он стал?
Не улетай, существо прямокрылое, это финал.

* * *

В этом разница между тобой и небесной манной, между Анечкой Г., допустим, и нищенкой Анной... Не любя нас убогих, ни розно, ни каждого вместе, угоришь с отморозком своим, на своём тили-тесте.

Пидарьё, словно «Нате», даёт изобильные всходы, нас пожрут, дорогая, ведь мы не из ихней колоды... Замираю на девочке, женщине, родине, суке, при любом постороннем движении, шорохе, звуке.

Раз, два, три, — я запомнил, как били мне стенкой по роже, как вращались на небе светила и ангелы тоже, как на бледном челе петербургской затворницы Анны прорастали уралы, ташкенты и прочие манны.

Остров

Внезапно привыкаешь к обстановке и начинаешь мыслить — «мой», «моя» про то, что недоступно присвоенью.

Идёшь и собираешь всё вокруг — подземный ежедневный ветер, наспех бездумный труд, и тягостный досуг, и жизнь саму, что вовсе курам на смех.

А было, — прикорнёшь на остановке, очнёшься робинзоном, — глядь — земля свободна и готова к освоенью.

Рифмы

Ирине Мамаевой

1.

В тени дерев, в тени акаций пыльных в запущенном саду, ты продолжаешь монолог дебильный у Бога на виду...

Всё так серьёзно, — тезис... антитеза... нет доводам конца, — так, будто бы на самом деле берёшь в расчёт Творца.

2.

Как в детстве, босою стопой на стекло — $\label{eq: 1.1}$ не больно, но жутко, —

В какие-то доли мгновенья сложилась высотка... И пыль оседала, клубясь, но ещё не осела... И где-то сирена автосигнализации девочкой

заголосила.

3.

Как мы лежали... и как мы не умерли в этой бесцветной траве...
Титры пустить и прозрачные сумерки...
— Мати, поплачь обо мне...

Жалко себя до усрачки и холодно, но хорошо на душе, как же порою действительно хочется не продолжаться вообще.

4.

Всё придумано. Ничего, не было ничего, —

Обид детства, любви до гроба... Зыбкий туман былого

расступается над головой пловца...

Может быть, озеро, всплеск, быть может... ...Силуэт отца...

* * *

Девочки мускусом пахнут и потом, мальчики потом и изумительной дрянью, чтоб производить впечатленье ... Юная, жадная, влажная, злая пехота в Тартар спускается ради иных приключений, нежели можно подумать, и Терпсихору заметить здесь ожидаешь напрасно. Разве Эрато... не знаю... Впрочем, Танатос, скорее, хромает на лошади бледной и напевает.

III

Destra anta

Сад земных наслаждений

安安本

B.K.

Omyrubumer na безвестном факультете
gleem nem без малого, загемке ехару, по где берутае дети,
как редитее уголь на планете,
гто с гего и кто за все в ответе,
е еще способен об'ястить.

Но куда уходет люди эти нет, не те, не оти, а ВОМ Эти, и зачи, и как без них на евете

l re 6 cocmo entre 05'scaremo

... как сумає шедині с бритвою в руке. А. Тарковский

Yen * e meneps aneabgaeunce, o sopuom, za beé, zero ne sono, u beé, zmo na gene sono Max u emouno, ozupance, a breme enegum brupêg u ynor saemas empaninoù ynor skoù gesuna.

Вроде, не финка, но гто-то бистит в руке, может ботть, леткий легкий, перепосиой фонарик Капелька крови на правой твоей щекежетет-не доходетае возмездия злой комарик. * * *

Руки задёргались сами собой, заходили ноги, голова покатилась с плеч, проваливаясь в полудрёму. С ужасом чувствуешь эту невнятную речь — туловища, оставленного без присмотра. Так же умрёшь насовсем?

Господи, ото сна восставь меня. Десять,

девять,

во-семь.

* * *

От утреннего холода дрожа, разуй своё хромое зренье. У этого ли скажешь рубежа — постой, остановись, мгновенье.

И вот ещё остался полувздох, и полувзгляд, и птичий лёгкий шорох, и солнце яркое в расплавленных очах, пока воспламенялся порох.

Дочки-матери

1.

Девочка смотрит в окно, очень внимательно смотрит. Нет ничего,

кроме вагона во тьме.

Электропоезд движется в сказочный город Лобня. Мама зевает в раме, в самой её глубине.

2.

Сколько бы ни было, она — та же девочка: первый бант — белый-белый, первый поцелуй — смятый и скомканный.

Старая, брошенная и некрасивая, она катит в своё Лианозово.

Повеситься-повеситься. Дура-дура-дура...

Люди в метро страшны — вот тебе ад земной, перемещенье тел, лучше молчи со мной. Ртов шевеленье и белый подземный свет...

Что-нибудь о любви. Голоса нет. * * *

Вот эти четверо — и я — как будто бы уже встречались, как будто бы родня моя, а я не помню *никого*, и не от радости, а оттого так глупо улыбаюсь.

У клуба, детства на краю, воздев растресканные руки, четыре ангела разлуки стоят в берёзовом *аду*. Я тоже между них стою, протягивая к небу руки.

* * *

Когда-нибудь тоже исчезну, но гадость не в этом, — каким изумительным мог быть, каким

превосходным поэтом, —

на тряпки, на атомы, на кинетический шум — такое бессмертье?! — я умер, я умер, я у...

* * *

Андрею Пермякову

Мёртвый корабль ложится щекою на жёлтое дно. Море откатывается, обнажая мослы... Раньше здесь жили люди, потом собаки, но тоже давно, теперь даже тени ушли.

Горький песок Арала, помнишь мои следы? Что-то ты должен помнить — бездумный прах! Тень стрекозы зависает над тенью воды, тень моя пристально смотрит в её глаза.

Сны

Ты думаешь, вот это — часть тебя, осмысленная часть беспутной жизни,

а он глядит на небо серыми очами, как будто бы твоими, но...

своими, и слышит музыки, неслышные тебе, и видит недоступное твоим остекленевшим, вылинялым зенкам, и говорит —

я не люблю тебя, отец.

Отчаяние

Самый душный день в апреле... Завалили вход, спеленали, положили, хвойным мылом раны мыли... Как он оживёт?

Как он сможет вдоль дороги, жёсткую траву чуть примяв, поднять на ноги женщину одну и вторую? Ободренья как он скажет им? Как им слёзы умиленья высушит двоим?

Тело снулое не гнётся, страшно одному... Нет, он точно не очнётся, ночь то тянется, то рвётся, петел лупает и мнётся, пялится во тьму.

Великий пяток, 2015

Pop-art

Сердце бедное — глупый резиновый мяч, не скачи, не скачи. Это детский до боли проигранный матч, череда одинаковых неудач и потерь, незаметных почти.

Осень если не жизни, то молодости. Я от скуки тебя воплотил, чтобы сладкая мука, чтоб чёрная кровь, чтобы не было сил, —

ангел смерти, жеманница, пытка моя, улыбнись мне накрашенным ртом, а глаза, невозможные, злые глаза — на потом.

* * *

Это пустой разговор, что же отныне есть в городе — гарь и стынь, всё остальное — здесь. В этом четвертаке офисного листа... В городе — гарь и стынь и пустота.

* * *

Это большое тело, много в нём всяких штук, за которыми глаз да глаз обязательно нужен, — зубы и волосы, пальцы нелепых рук, голос надтреснутый, верно, особенно голос.

Врать одинаково всем, не любить никого, словно себя, — точная, брат, наука. Этот пустырь — прежде просто сухой водоём. Больше ни звука.

* * *

Год неволи сознательной, — сытый, беспомощный год. Пожалей себя, клерк, — поканючь — не везёт, не везёт.

Всю неделю бездумно шагай, выдавай на-гора, набирайся по пятницам, глядь, и суббота прошла.

Фантазируй о бегстве бездумном в чужую страну. Жди зарплаты, таись и немотствуй...

Готовься ко сну.

Улица Пушкина

...Не то что бы кафешантан, и близко нет, — я продолжаю двигаться на свет, по вашей, в листьях, влажной улице пустой.

Над темнотой так жалко пламенеет этот пир. Звенит и бренькает расстроенный клавир. Маячат рифмы бедно, или вовсе нет, иду на свет.

Беззубый петел, прохрипи, умчитесь в ночь, чудовища, чудовищева дочь — литература, мерзостный парнас... Чур вас.

IV

Grisaille

Сад земных наслаждений

* # #

Zavygym beex, ogun kamynn neubem,

Zanymabiuwich b omon ogenn.

Om A qo h miryrui neperog,

Kamynn yenyn, a e naodopom,

uz nawei rabami na bamen dane
e pacmiepano zane webiumu pom.

Провинциальное

Когда приедешь навсегда туда, где был случайно прежде, с надеждой милые черты провинциальной простоты в повадках горожан, в одежде, пытаешься найти, — тщета, — тлен, запустенье, нищета...

Rus

М. Картузову

1. Здесь всё, о чём ни скажешь, всё молчит. Тщедушный сад и ветхая ограда, и карандаш часовни в гуще сада без грифеля торчит.

2. Однажды в краеведческом музее, — когда-то церкви, церкви и сейчас, — я сковырнул со стенда о героях родного края нерезкий жёлто-серый фотоснимок немного всё же странный для музея — товарищеский групповой портрет.

3. Как охотники над трофеем, над обломками самовластья принимали картинные позы четыре тени.

4. Графит на обороте полустёрся — не разобрать ни даты, ни фамилий... А впрочем — даже лиц не разобрать.

5. Дай, думал, — сохраню. Не сохранил.

Фету

Увядание прекрасно, в увяданьи благодать, всё закончено, всё ясно, время более не властно ни добавить, ни отнять.

Нет, не тлен, — тугая спелость, безмятежная печаль... Всё, что может петь, отпелось, юность кончилась и зрелость. Ничего не жаль.

Бутафория

Тополя не подрезали много лет, — здравствуй, готика запущенного парка. Две аллеи — главный неф и левый неф. Вот теперь действительно не жалко ничего, а более — себя, просто улыбнёшься глуповато, — снег идёт, а в свете фонаря — будто вата.

Прятки

Унылое молчание опять, замкну уста, чтоб пасть не разевать.

— Мой ангел, прямокрылая моя, иду тебя искать.

Пусть будет мор, пусть будут глад и хлад. Ты обратишься худшей из утрат; пустышкой в синтепоновом плаще, ничем вообще.

Я постараюсь, где тут обещать. Готова? Раз, два, три, четыре, пять... Кивни, когда заканчивать считать. * * *

Хлёсткий морозец, звонкий. Жизнь хороша вдвоём, камерные потёмки, спрятанный водоём.

Ивы заиндевели. Пляж цепенеет, лес. Что это — скрип качели или тоскливый бес?

Тени на фоне мрака как тавтология — маленькая собака неразличимая.

Зрелость

Пусть ничего не случится, только молчание и...
Огненная колесница в стёклах закатных, сверкни тихо. Моё наважденье, поздняя эта заря, остановивши скольженье, не ослепляет меня.

Первый распишет, опустит, подымется чуточку выше. Год — ничего.

Что же не слышит он, что же он, сука, не слышит детское сло...

Строчку из песенки, строчку, как будто, из песенки, не промолчать.

Кончится слово, останется только свобода не отвечать.

Экватор

Собаки перекидываются словцом, одним и тем же на разные голоса. Летучая мышь окидывает моё лицо ультразвуковым зрением и растворяется.

Верно тебе говорю, — уголь, кокс, антрацит, тьма египетская, — и бог знает, что ещё водится в ней... аэробус во мгле кружит, или ангел лампаду над головой несёт.

Мармарис, 2010 — Тенерифе, 2016

* * *

И морось, и запах влаги, и мыльный дым, стелющийся над заливом пепельно-голубым... Отечество дымкой подёрнуто и уплывает вдаль. Жаль отечества, осени жалко, себя не жаль.

Что же залив? — навсегда останется голубым. Дым рассеется и превратится в дым памяти. Чайка закладывает дугу. Мы затеряемся на берегу.

Опус

К тридцати одному заработал немного денег, написал стихов. С деревом, домом и сыном тоже всё получилось, собственно, я готов к очередному коленцу этой любительской жизни, опусу простачка...

Я прижимаюсь к тёплой щеке Отчизны, мерно сопящей пока.

А.Е-ко

Когда раскроешь календарь, — я сам в него войду, там мчит концептуальный кар на паровом ходу... В ходу слова, долги в ходу, я у тебя в долгу за скрип пружинного стиха, за «здравствуй» на ходу.

Так в полусне растут стихи, не ведая стыда, и нас несут на этот свет... Рифмую: «никогда».

Серия «Срез»

* * *

Думал о девочке в поезде, летом. Вязью км разделённый с предметом воспоминаний, — зови, не зови, — нету любви, и не будет любви...

Только не музой!.. — сказать, не случилось. Стало быть, — выпало, стало быть, — билось сердце у ног в придорожной пыли... Что за напасти — скажите на милость... Стало быть, — музой тебя нарекли.

* * *

Ничего не будет, только эхо. И ещё, в груди этот полудикий опус, эта вечность расстилалась перед ни... Перед нами растворялась бездна, — только эхо, больше ничего, маленькая детская прореха, золотое сло...

* * *

Год уже тишина — самый знакомый звук. Мелочи шёпот, сна ни в одном глазу. На берегу океана. мёртвую стрекозу я расправляю — сна ни в одном глазу.

Содержание

1. Sinistra anta	
«До Пасхи дотянули — хоть бы хны»	6
Шутка	7
«Случайное тепло запястье греет»	8
К Эвтерпе	9
«Конопляный угар девяностых»	10
Τερψιχόρα	11
Разлука	12
«Всё случилось внезапно, ля-ля-тополя»	13
Поэту Егору Белоглазову в день его рождения	14
«Так успевает вволю человек»	15
«Романтическая бледность»	16
Традиция	17
Alma mater	18
«здесь в пригороде диком и пустом»	19
1994	20
«В багрец и золото ну что тебе ещё?!.»	21
II. Luxuria	
Военная сводка	24
«Дышит новое чувство земли»	25
«Муза — девочка-дикарка»	26
Буржуазное	
«Метафизика, мать её, в этих снегах»	28
«В детстве я относился с уважением»	29
Ноябрь	30
«Не жалобы рифмованные и»	31
«Кто придумал в чернила»	32
«Говорили по-татарски»	33
«Мы в коже, как два пидораса»	34
«Настрой меня, Господь»	
Озеро Сор	36
«Самые прекрасные глаза»	37

Предчувствие	38
«Так вечность просидишь за монитором»	
Сельские этюды	
«Когда при столкновеньи стонут»	41
«Тихо колокол бьёт, тихо плещет ночная вода»	
«Лето, ленивое озеро»	
«Пахнет мочой и мёдом на старом колхозном рынке»	
Ἐρατώ	
«В этом разница между тобой и небесной манной»	
Остров	
Рифмы	
«Левочки мускусом пахнут и потом, мальчики потом»	

III. Destra anta

«Отучившись на безвестном факультете»	53
«Чем же теперь оправдаешься, обормот»	54
«Руки задёргались сами собой»	55
«От утреннего холода дрожа»	56
Дочки-матери	57
«Люди в метро страшны»	58
«Вот эти четверо — и я»	59
«Когда-нибудь тоже исчезну, но гадость не в этом»	60
«Мёртвый корабль ложится щекою на жёлтое дно»	61
Сны	62
Отчаяние	63
Pop-art	64
«Это пустой разговор»	65
«Это большое тело, много в нём всяких штук»	66
«Год неволи сознательной»	67
Улица Пушкина	68

IV. Grisaille

«Забудут всех, один Катулл живёт»	70
Провинциальное	.71
Rus	72

Deтy	74
Бутафория	
, т.т. Трятки	
Врелость	
Первый распишет, опустит, подымется чуточку выше»	
Экватор	80
И морось, и запах влаги, и мыльный дым»	
Эпус	82
Когда раскроешь календарь»	83
Думал о девочке в поезде, летом»	84
 Ничего не будет, только эхо»	85
Год уже тишина — самый знакомый звук»	

Ли Арсений Витальевич «Сад земных наслаждений»

Серия «Срез». Книга третья. Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт» revolverart.ru Почта: lee@revolverart.ru

Арт-директор, автора макета: Арсений Ли Автор концепции: Андрей Пермяков Главный редактор: Алла Поспелова Художник: Сергей Ивкин Вёрстка: Роман Шишкин Корректор: Инна Домрачева

Бумага офсетная Гарнитура Minion Pro Тираж 250 экз.

Отпечатано в ООО «Альфа-Пресс» 170000, г. Тверь, ул. Советская, 15. Тел.: +7 910-532-1504. Почта: alfa-press@mail.ru

Серия «Срез» Книга третья

